

начала X в. и внесен в состав Кормчей книги, близкой по составу к III греческой редакции Синтагмы XIV титулов, которая вскоре после официального принятия Русью христианства перешла к восточным славянам.

Итак, вопрос о времени проникновения «Летописца вскоре» на Русь связан с проблемой появления там кормчих книг. Дальнейшая история текста «Летописца вскоре» представляется нам следующим образом.

1. Текст памятника перешел на Русь через болгарское посредство в переводе, сделанном по I-й греческой редакции Хронографикона.

2. Эта I славянская редакция текста (или Нераспространенная, по определению А. А. Шахматова) послужила основой для последующих переделок и обработок «Летописца вскоре».

3. На ее основе при значительном сокращении повествовательной части изложения и одновременном введении целого ряда подробностей и деталей, почерпнутых из широкого круга исторической и хронографической (переводной?) литературы, между XII и XIII вв. возникает II Распространенная редакция «Летописца вскоре», представленная несколькими видами текста, последний из которых возникает даже в XVI в.

4. Новую жизнь тексту дала III Сводная редакция, использовавшая тексты предшествующих редакций, а также переводы других малых византийских хроник и возникшая в конце XV в.⁸⁶

И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГ

ДОГОВОР НОВГОРОДА С ГОТСКИМ БЕРЕГОМ И НЕМЕЦКИМИ ГОРОДАМИ 1262—1263 гг.

(по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.)

Оформление древнейшей, сохранившейся в оригинале договорной грамоты Новгорода имеет некоторые особенности, которые привлекают внимание исследователей.¹

Первая особенность состоит в том, что договор заключен от имени князя Александра Невского и его сына Дмитрия с уча-

⁸⁶ Вопросы о времени создания и причинах появления II и III редакций «Летописца вскоре» мы собираемся рассмотреть специально, частично они затронуты нами в статьях: П и о т р о в с к а я Е. К. 1) К изучению..., с. 170—177; 2) О третьей русской редакции..., с. 147—153.

¹ Грамота опубликована в кн.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949 (далее — ГВНП), № 29. — В легенде к ней даны все необходимые справочные сведения. Хранится в Рижском гос городском архиве. Литографированное воспроизведение ее можно найти в кн.: Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв. Найдены в Рижском архиве К. Э. Напьерским и изданы Археографической комиссией. СПб., 1875, № 1-а.

стием новгородских республиканских властей, в то время как скреплен он буллой князя Ярослава Ярославовича, брата Александра, который начал княжить лишь в 1264 г.² Вторая особенность — договор скреплен двумя сериями печатей, отиснутых одними и теми же матрицами (уникальный случай), но эти буллы отличаются друг от друга материалом: к верхней части листа подвешены на красных шелковых шнурках три серебряные позолоченные печати, а к нижней части — на нитяных шнурках три свинцовые. Третья особенность заключается в том, что на куске пергамента, содержащем договор, после его текста тем же почерком приписан предыдущий договор Новгорода с его западными контрагентами, датированный 1189—1199 гг.³

Первая особенность убедительно объяснена В. Л. Яниным. Разбирая и отвергая попытки толкования этого факта предыдущими исследователями, автор пришел к выводу: так как Александр Невский во время составления договора, которое произошло вскоре после победоносного похода новгородского войска под Юрьев в 1262 г., находился в Орде, то ратификация акта могла быть отложена до его возвращения. Но Александр умер на обратном пути, и ратификация была совершена лишь после того, как Ярослав Ярославович стал новгородским князем, т. е. вскоре после 27 января 1264 г.⁴ Эта точка зрения в настоящее время не встречает возражений.

Вторую особенность, необычное дублирование печатей, В. Л. Янин объясняет «как средство дополнительного подтверждения документа, по существу анахронистического. Акт был составлен от имени Александра и Дмитрия, но Александр уже умер, а Дмитрия изгнали, и понадобилось каждую буллу привести дважды, чтобы сообщить акту законную силу».⁵ Третью особенность В. Л. Янин не разбирает.

Думается, что для второй особенности можно найти еще другое истолкование, включающее в себя также и объяснение третьей, если привлечь для этого один интересный источник. Этим документом является предварительный отчет послов немецких городов об их переговорах в Новгороде в 1292 г., яркое аутентичное свидетельство очевидцев об одном из острых моментов борьбы бояр с князем за право разбора крупных конфликтов между новгородцами и иноземными купцами.⁶ Данные этого

² Кроме того, при договоре имеются еще печать архиепископа Далмата и печать всего Новгорода. Буллы Дмитрия нет, так как он был лишь наместником своего отца и после его смерти был изгнан новгородцами. Княжеские же наместники личных печатей не имели.

³ ГВНП, № 28.

⁴ Янин В. Л. 1) Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. II. М., 1970, с. 9—10; 2) Новгородские посадники. М., 1962, с. 150—151.

⁵ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси..., с. 10—11.

⁶ В первый раз этот документ был издан по списку с латинского оригинала, сделанного проф. Граутгофом, так как подлинник к тому времени считался утерянным (Sartorius G. F. Urkundliche Geschichte

письма-отчета неоднократно привлекались для решения тех или иных вопросов новгородской истории.⁷

Письмо составлено сразу после возвращения послов из Новгорода в Тарту. Датировано оно 26 марта. Издатели этой грамоты, а также и более поздние исследователи относят ее к 1292 г., с чем можно согласиться, так как нет никаких данных, противоречащих такой датировке.⁸

Новгородским князем в это время являлся Дмитрий Александрович. 1292 год был последним годом его пребывания на великокняжеском престоле. В этом году он был изгнан из своей постоянной резиденции в Переяславле-Залесском братом Андреем Александровичем, ставшим его преемником. Дмитрий прибыл в Новгород как беглец в сопровождении своих мужей, среди которых находился и его зять Довмонт.

О причине переговоров мы узнаем только из самого отчета. Ни в одном из других источников не сохранились сведения о конфликте. Но из текста видно, что переговоры велись по вопросу о возврате партии товаров, незаконно захваченной у немецких купцов на новгородской территории: товары оказались поделенными между некоторыми новгородскими боярами и их смердами. К моменту переговоров эти товары еще были в целости и сохранности в амбарах новгородцев.

О характере самого акта захвата можно строить предположения. Устами одного из мужей князя эти товары названы «*perdita*», т. е. «потерянные». Но такое словоупотребление диффузно, оно может обозначать потерю товаров по любой причине, в том числе и в результате разбойного нападения. Несомненно только то, что немцы, ехавшие в Новгород, потеряли свои товары на участке пути от острова Котлина до Новгорода, на котором купцам гарантировался договором безопасный проезд в том случае, если они

des Ursprunges der deutschen Hanse, hrsg. von S. M. Lappenberg, Bd. II. Hamburg, 1830, № 83). Отсюда его текст был перепечатан: Liv-Est- und Kurländisches Urkundenbuch, Bd. I. Reval, 1853, № 546. На с. 159—160 этого издания был дан также частичный перевод письма-отчета на немецкий язык. Последняя по времени публикация сделана со вновь найденного в Любекской городской библиотеке оригинала: Hansisches Urkundenbuch, Bd. I. Halle a/S., 1876, № 1093 (далее — НУВ).

⁷ См., например: Андреевский И. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855, с. 99; Никитский А. Очерки из жизни Великого Новгорода. I. Правительственный совет. — ЖМНП, СПб., 1869, ч. 145, октябрь, с. 298; Ключевский В. О. Боярская дума. М., 1881, с. 268; Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 41, 167, 170; *Bonnell E. Russisch-liwländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410.* S.-Petersburg, 1862, Commentar, S. 125—127; *Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters.* Lübeck, 1922, S. 56—57.

⁸ Следует отметить неудачную попытку Э. Боннеля отнести переговоры к периоду между 1279—1281 гг. (*Bonnell E. Russisch-liwländische...*). Эта датировка не нашла признания у всех последующих исследователей.

едут в сопровождении новгородских купцов или посла.⁹ О том, что потеря произошла не в самом Новгороде, а в сельской местности, говорит участие в этом деле смердов-крестьян.¹⁰ Потерянные товары были очень ценными (сукна?), так как их возвращение должно было оправдать расходы специального посольства. Местные смерды, в руках которых оказались товары немецких купцов, были, по-видимому, вынуждены отдать часть их (скорее всего бóльшую) боярам того новгородского конца, в управлении которого находилась территория, где произошла потеря товаров и где жили названные смерды. Такова попытка реконструкции этого события. Следовательно, сторонами в этом конфликте являлись пострадавшие немецкие купцы и та боярская группировка, смерды которой захватили немецкие товары. Мы полагаем, что это были бояре с Прусской улицы.

Отождествление этой группировки бояр облегчается тем, что нам известно имя старосты этих новгородцев — Семен, с которым послы встречаются два раза. В. Л. Янин отождествляет его с Семеном Климовичем, крупным боярином с Прусской улицы, неоднократно степенным посадником от Людина и Загородского концев.¹¹ Такое отождествление возражений не вызывает. Следует только в Семене Климовиче в период разбора конфликта видеть не степенного посадника, как это делает В. Л. Янин, а лишь кончанского старосту. Об этом однозначно говорит термин *oldermannus*, которым его называют немцы. Этот термин никогда не служил в ганзейском словоупотреблении для обозначения должности степенного посадника в Новгороде, а употреблялся как эквивалент русского слова «староста».¹²

Переходим теперь к разбору тех сведений документа, которые позволяют нам установить, чьей юрисдикции подлежал разбор

⁹ «А старыи мир до Котлингъ... А зимнии гость, оже не поиметь нашего посла, ни новгородьскыхъ купецъ... а что ся учинить ис Котлингъ до Новагорода... немецкму гостю, оже бес посла поидуть, то Новгороду тяжя не надобе, в старыи миръ» (ГВНП, № 29).

¹⁰ Л. К. Гётц пытался связать захват немецких товаров с известием новгородской летописи под 1291 г. о беспорядках и разграблении торгового в Новгороде (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 327), хотя он сам отмечает, что в этом сообщении не говорится о том, что во время этих событий пострадали немецкие купцы (Goetz L. K. *Deutsch-russische Handelsgeschichte...*, S. 56).

¹¹ Янин В. Л. 1) Новгородские посадники, с. 167; 2) Актовые печати древней Руси..., с. 113.

¹² Степенных посадников немцы называли «бургграфами» (*borchgrave*, в латинизированной форме *borchgravius*) и с XV в. иногда «бургомистрами» (*bormeister*); в соответствии с этим новгородцы называли бургомистров ливонских городов «посадниками» (ГВНП, № 48, А и Б, 49 и др.). На то, что Семен нашего документа во время разбора конфликта был еще только кончанским старостой, указывал в свое время А. Никитский (Очерки из жизни Великого Новгорода, с. 297). Кроме того, немецкие послы в своем отчете упоминают также и посадника, являвшегося степенным во время их пребывания в городе, они его посетили лично и, согласно с принятым тогда словоупотреблением, называют его в отчете *borchgravius*.

конфликта. Сразу бросается в глаза, что послы обращаются к князю как к главе государства и как к единственной судебной инстанции, которая могла разрешить их дело. Причину настойчивого обращения послов к князю следует видеть в том, что во все предыдущие времена и также еще в 1292 г. подобные конфликты были подсудны князю. Послы действовали не вслепую, а руководствовались нормами, сложившимися за более чем столетний период русско-немецкой торговли, зафиксированными в договорах. Договоры 1189—1199 и 1262—1263 гг. не знают никакого другого суда, кроме княжеского, а проект договорной грамоты 1269 г. князя Ярослава Ярославовича хотя и упоминает гостевой суд тысяцкого на дворе святого Ивана как инстанцию для решения споров между немцами и волховскими лодейцами, но зато ответственность за грабеж в пути от Котлина до Новгорода полностью возлагает на князя и новгородцев.¹³ В нашем же случае ответчиком являлась крупная территориальная группировка новгородских бояр, так что для решения спора оставался действительно один лишь князь.¹⁴

Миссия послов потерпела неудачу. Князь отказался принять их и лично выслушать их наказ. Им пришлось изложить свое дело прибывшей к ним паритетной комиссии, состоявшей из наместника князя с двумя мужами и тысяцкого, также сопровождаемого двумя авторитетными лицами. В дальнейшем князь сносился с послами частным образом через своих мужей. Из их уст они узнали, что князь и его окружение в течение 14 дней пытались убедить новгородцев дать требуемый послами официальный ответ по их делу в виде заверенной печатями князя и новгородцев грамоты, но «что они не хотят ответить, как им полагается по праву давать ответ по такого рода делам, а именно тем [из них],

¹³ «... старый мир о пути по Неве за Котлингом от Готского берега и обратно, от Новгорода до Котлинга. А училися там что гостю, отвечать за то князю и всем новгородцам...» (ГВНЦ, № 31).

¹⁴ В отчете послов эта боярская группировка просто называется *novgardenses* — «новгородцы». Но было бы ошибочным каждый раз видеть за этим обозначением всех новгородских бояр или всех жителей Новгорода вообще. Как показали исследования последних лет, такие термины, как «киевляне», «галичане», «новгородцы», требуют для расшифровки в каждом отдельном случае специального анализа (Новосельцев А. П., Пашуто В. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 12). В нашем документе термин «новгородцы» употребляется в двух значениях: во-первых, это действительно боярство всего Великого Новгорода, представляемое республиканской частью высшей новгородской власти — вечем, к которому, как и к князю, было направлено посольство немецких городов; во-вторых, это также та отдельная боярская группировка, смерды которой захватили немецкие товары и которая была в этом деле ответчиком. В. Л. Янин полагает, что к 1292 г. относится также самое раннее упоминание в западных источниках Совета господ в Новгороде (Новгородские посадники, с. 170). Но этот орган власти (в немецких источниках — *der herrenrad*) в латиноязычном отчете послов никак особо не назван.

у которых находятся в руках товары, о которых идет речь».¹⁵ Послы посетили после этого усадьбы степенного посадника и тысяцкого с просьбой о содействии, но эти представители вечевой администрации не помогли им.

Когда послы, покидая Новгород, отъехали уже на восемь миль, их нагнал один из мужей князя, передал им подарки и заявил: «Должен вам по поручению князя [кое-что] сообщить по секрету, что и говорю вам без [участия] толмача. Господин князь передает вам, что не по его вине вы уезжаете из Новгорода без ответа; кроме того, он передает, что новгородцы хотят сохранить в действии договор, который заключен между вами и нами, и что все товары, которые [вами] потеряны, они держат [еще] у себя. Он говорит: „Невиновен я в деле [захвата] этих товаров и хочу сохранить верность тому, на чем целовал крест, и так как я не нарушил крестоцелования, то послал своего мужа Кузьму вам вслед, чтобы не чувствовать на себе греха в деле ваших товаров“. Далее князь передает [вам], что если вы [действительно] мужчины, то ответьте тем же, что причинили вам, как только сможете».¹⁶

Из этого высказывания князя для нашей темы представляет интерес то, что в 1292 г. отношения новгородцев и немцев регулировал еще договор 1262—1263 гг., так как другого договора с участием Дмитрия Александровича история не знает, а в архивах ганзейских городов такого рода документы хранились очень бережно. Переговоры же 1269 г. дали лишь два проекта, которые не были ратифицированы, и относятся они ко времени княжения Ярослава Ярославовича.

Важны для нас также описания двух встреч послов с Семеном Климовичем, старостой новгородцев. Оба раза он держал в руках грамоту. При первой встрече он про нее сказал: «Это грамота мира [договор] между великим князем и немцами и новгородцами» — и добавил: «Новгородцы собирались и особо разбирали ваши дела и сочли ваши претензии несостоятельными».¹⁷ При второй встрече на вопрос одного из мужей князя:

¹⁵ «... quod nollent respondere, cum ipsi teneantur de jure super hujusmodi respondere, utpote qui bona habebant, de quibus questio vertebatur» (HUB, Bd. I, № 1093).

¹⁶ «Habeo secreta ex parte domini regis referre, que sine interprete loquar vobis, dominus rex mandat vobis, quod sine responso de Nogardya recessistis, non est sua culpa; insuper mandat, quod Nogardenses apud illas litteras volunt manere, que inter vos et ipsos sunt conscripte, et bona omnia, que sunt perdita, sub se habent, innocens sum in bonis illis et volo fidem servare, super qua crucem sum osculatus, et quia sum mundus in osculatione crucis, incirco misi post vos meum principem Cusemannum et volo esse absque peccato bonorum illorum; item mandat rex, quod, si vire estis, ipsis reddite quod vobis fecerunt et vicem rependite, ut bene potestis» (HUB, Bd. I, № 1093).

¹⁷ «... Symen oldermannus Nogardensium ferens litteram... Hec est littera pacis scripta inter magnum regem et Theutonicos et Nogardenses...

«Семен, почему отпускаешь этих людей без ответа?», — он ответил: «Вот грамота правосудия [правда], которую велел написать господин князь, [заключая договор] между собой, нами и немцами; господин князь по достоинству и ответит!».¹⁸ Обе эти характеристики прекрасно объясняют особенности оформления грамоты мирного договора 1262—1263 гг.: ведь это документ, содержащий на одном листе, во-первых, договор о мире с добавлением ряда статей, регулировавших и уточнявших некоторые моменты в практике новгородско-немецкой торговли, и, во-вторых, кодекс («Правду») юридических норм, установленных еще старым договором 1189—1199 гг., но продолжавших действовать и после заключения нового. Так эта приписка и объяснена в самом тексте нового договора: «А се старая наша правда и грамота, на чемъ цѣловали отци ваши и наши крестъ». После переписки грамота старого договора была, по-видимому, уничтожена, чтобы все конфликты между новгородцами и немцами решались на основе одного документа. Об этом тоже сказано в тексте: «А иное грамоты у нас нѣтуть, ни потаили есмы, ни вѣдаемъ».¹⁹ Учитывая высказывание князя Дмитрия Александровича и кончанского старосты Семена Климовича, можно с уверенностью утверждать, что договор 1262—1263 гг. еще действовал в 1292 г. и что Семен держал в руках именно хранившийся в Новгороде его экземпляр.²⁰

Теперь также становится ясным, почему договорная грамота 1262—1263 гг. скреплена двумя сериями печатей: серебряная серия булл должна была ратифицировать мирный договор, а свинцовая — подтвердить действительность старой «Правды» XII в.

В отчете послов мы видим договор 1262—1263 гг. в действии, но в исключительно своеобразной и ненормальной обстановке. Станным для послов казалось поведение князя, но странными являются также противоречия в действиях новгородцев. С одной стороны, они при разборе этого дела в своем кругу, без князя и его мужей, не признали претензии немцев справедливыми и не приняли решения о возвращении им товаров,²¹ в то время как, с другой стороны, они не хотели им официально дать отказ

Nogardenses convenerant et vostra negocia singulariter exposuerant et videntur ipsis vestre querimonie nil valere» (HUB, Bd. I, № 1093).

¹⁸ «Syment, cur istos homines sine responso dimittis? ... Ecce littera justicie, quam scribi fecit dominus rex inter ipsum et nos et Theutonicos, dominus rex merito respondebit» (HUB, Bd. I, № 1093).

¹⁹ ГВНП, № 29, с. 57. — На то, что приписка текста договора 1189—1199 гг. была произведена именно из-за содержащейся в нем «Правды», указывал еще И. И. Срезневский в статье «Древние договорные грамоты Новгорода с немцами 1199—1263 гг.» (Известия АН по ОРЯС, т. VI, 1855, с. 166).

²⁰ Л. К. Гётц высказывает предположение, что в 1292 г. действовал проект договора 1269 г. (Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte. ..., S. 57).

²¹ По крайней мере в официальной версии, предназначенной для немцев и сообщенной им старостой Семеном.

в виде грамоты с печатями, отсылая их к суду князя, и хранили при этом захваченные товары неприкосновенными. То, что во всем этом деле из новгородцев наиболее активную роль играл староста Семен, вытекало из принципа «истцу ведаться с истцом», т. е. из стремления ограничить конфликт участием в нем лишь непосредственных сторон дела.

Объяснение всех противоречий этой необычной и неудачной для немцев процедуры можно найти в ответе, который тысяцкий дал послам, когда они обратились к нему за содействием. Он сказал: «Я желал бы, чтобы вы были дома, а князь в этом году не приезжал, и на этом мой поклон всем немецким братьям».²² Этими словами тысяцкий намекал на то, что послы прибыли в Новгород в самый неподходящий для нормального решения их дела момент, когда новгородское боярство твердо решило еще более ограничить власть князя и лишить его части прерогатив и функций, принадлежавших ему, в частности юрисдикции в такого рода конфликтах между новгородцами и немецкими купцами. Но в 1292 г. это еще не было осуществлено, de jure князь формально еще был главой государства и верховным судьей в таких делах, как разбираемое.²³ Бояре принципиально не хотели подчиняться судебному решению князя, желая подорвать его авторитет в глазах иноземцев, но, с другой стороны, они не хотели отказать официально немцам и этим нарушить существующий мирный договор, так как были заинтересованы в продолжении торговли с ними. Поэтому мы не можем видеть в процедуре разбора немецкой жалобы в 1292 г. типичные черты волокиты новгородского правосудия, как это делает А. К. Гётц,²⁴ а, наоборот, должны объяснить довольно своеобразный ход дела той уникальной ситуацией, которая возникла в этот

²² «Vellem vos esse domi et regem hoc anno non venisse et cum hoc omnibus Theutonicis fratribus inclino». Значение глагола *inclino* не совсем ясно, но контекст подсказывает видеть в нем элемент прощальной или приветственной формулы (HUB, Bd. I, № 1093).

²³ При улаживании крупного конфликта между немецкими купцами и новгородцами в 1331 г. не было уже речи о княжеском суде, он был разрешен коллективным высшим органом власти в Новгородской земле — Советом господ; княжеский тиун выполнял лишь при этом полицейские функции, очищая со своей стражей немецкий торговый двор от грабившего его плебса. См.: Русско-ливонские акты. СПб., 1868, № 61. — Не вполне удачный перевод на русский язык этого документа см.: ЧОИДР, 1893, кн. 1, отд. V, с. 1—8.

²⁴ Goetz L. K. *Deutsch-russische Handelsgeschichte...*, S. 57. — Л. К. Гётц даже в отказе князя лично принять послов видит только его высокомерие, в то время как мы считаем, что причиной отказа был только стыд князя за свое бессилие перед боярами, за невозможность выступить авторитетным судьей в этом деле. Об этом говорит его устное секретное послание немцам, когда он им советует добиться удовлетворения претензий не путем процедуры, основанной на праве, а насильственно, посредством применения репрессалий к русским купцам и захвата их товаров в ливонских городах.

год в Новгороде и была вызвана исключительно сложной внутривосточной обстановкой.

В. Л. Янин установил, что в конце XIII в. возникает новая схема отношений князя и города, и склоняется к тому, что все эти отношения сложились фактически уже при Дмитрии Александровиче, но закрепились рядом и крестоцелованием его брата и преемника Андрея Александровича в 1294 г.²⁵

Отчет послов дает яркую иллюстрацию действий боярства в борьбе за ограничение власти князя. Именно поэтому он не может служить для характеристики нормального применения договорных статей в процедуре высшего судилища Новгорода Великого в XIII в.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ПСКОВСКИЕ КУПЧИЕ XIV—XV вв.

Выдающееся открытие Л. М. Марасиновой, обнаружившей и издавшей около 30 псковских актов XIV—XV вв.,¹ дает возможность по-новому подойти к земельным актам Пскова, в частности к купчим грамотам. Теперь нам известно 11 псковских купчих (9 из которых впервые введены в научный оборот Л. М. Марасиновой).

Изучение псковских купчих имеет двойное значение. Во-первых, благодаря своим специфическим особенностям они представляют большой интерес с точки зрения дипломатики. Во-вторых, они интересны по своему содержанию, так как отражают важные процессы в истории развития феодальных отношений на землях Господина Пскова.

Псковские купчие грамоты, как правило, состоят из трех клаузул и удостоверительной части.² Первая клаузула начинается со слов «Се куписе...» и устанавливает самый факт купли. Эта клаузула имеет наиболее существенное содержание. Она состоит из трех элементов: 1) имени покупателя, 2) имени продавца, 3) обозначения объекта сделки. Социальное лицо покупателя и продавца, а также состав и характер объекта сделки остаются в большинстве случаев не раскрытыми и могут быть определены только путем анализа всей купчей в целом.

Вторая клаузула начинается со слов «А межа той земле...» или «А завод той земли...» и содержит сведения о границах покупаемого владения. Эта клаузула встречается в 9 купчих.

²⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 165—166.

¹ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966.

² Общие сведения о дипломатике псковских купчих приведены у Л. М. Марасиновой (Новые псковские грамоты..., с. 35—37).